

УДК 330.1

ПОЛИТЭКОНОМИЯ СУВЕРЕНИТЕТА

СЕРГЕЙЦЕВ Тимофей, публицист

Грядущий экономический порядок потребует деятельностной нормировки потребления, труда, времени, жизни. Для деятельности нормы и образцы — это основа её существования, воспроизводства. Грядущая политэкономия потребует не только социальной инженерии, но прежде всего культурной.

1. Политэкономия

Краткий курс популярной политэкономии, специально разработанной для нас в США и Англии взамен марксистского гласит: больше демократии и рынка = больше богатства и процветания. Страна не уточняется. Мы верим. У нас созданы специальные институты для поддержания этой веры – такие как Высшая школа экономики. Политэкономический дискурс главных СМИ ведёт нас к тем же пропагандистским выводам. В этом нет ничего нового – только дизайн. Всё то же, что и в лозунгах о свободной торговле, поднятых на знамёна английского политического влияния Иеремией Бентамом и К^о.

Попс-политэкономия, государство и общество

Во всём многообразии этих утверждений нет государства – и не должно быть, поскольку его роль согласно этим представлениям в собственно экономических и политических (да, именно так) процессах должна быть в пределе сведена к нулю. Главную роль играет общество. То есть потенциально все люди, а актуально – успешные. Фактически справедливо само по себе (у протестантских основоположников капитализма вообще предопределено избранностью каждого успешного), если формальные права есть у всех.

Успешность государств в этой логике прямо вытекает из успешности обществ, а та, в свою очередь, – из успешности людей. Раньше пошёл правильным путём – получил справедливое преимущество. Чем позже встанешь на правильный путь – тем больше потеряешь. Без обид.

Нобелевский лауреат 1993 года по экономике Дуглас Норт вместе с Уоллисом и Вайнгатом поведал миру «научную» истину, что наиболее богаты те народы и страны, государства которых наиболее открыты для участия в них общества и даже составляют особый немногочисленный тип государств т. н. «открытого доступа», где доступ к любым организациям, составляющим базу государства, не зависит от личных отношений и знакомства конкретных людей. Не то что у нас, бедных «естественных» государств, где, конечно, всё от этих самых личных отношений и знакомств как раз зависит. А в США, конечно, нет¹. Трудно удержаться и не процитировать развёрнуто характеристику, данную К. Марксом всей этой многообразной «политэкономии» – от популярных пропагандистских ло-

---

© Сергейцев Т., 2014

Точка зрения автора может не совпадать с мнением редколлегии. Публикуется в порядке критического обсуждения.

¹ Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества». – М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

зунгов до глубокомысленной «научной» базы: «Замечу раз и навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с В. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная экономия толчётся лишь в области внешних кажущихся зависимостей, всё снова и снова пережёвывает материал, давно уже переработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства об их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами»².

Что ж, мы забыли Маркса из-за того, что исторически длительное время – четыре поколения – жили вне того буржуазного общества, анатомию которого он разъяснил. Теперь, когда оно возвращается (и мы предпринимаем чисто русские усилия, ломая и доламывая весь порядок своей жизни, считая, что возвращаем это общество недостаточно быстро), – возвращается и старик Маркс.

Деньги, труд и управление

Маркс не построил проекта политэкономии социализма (о чём ниже), это было наше дело, но мы его пока не сделали. Зато с капитализмом он разобрался полностью и окончательно, а чего не сделал он – в общем, сделали марксиды.

То, что ограбление слабого до того минимума экономических благ, который он в состоянии по разным причинам фактически удержать, есть принцип всех времён экономической деятельности, – неспецифический вывод, который сделал Маркс. А вот то, что капитализм изобрёл способы «обезжиривания» всех трудящихся по найму с помощью эксплуатации рабочей силы, целых народов «недоразвитых» стран – с помощью свободной торговли промышленными товарами (которые должны быть сверхдешёвы из-за массовой технологии производства, но они сверхдороги из-за цели извлечения сверхприбыли), – вот это уже из области собственно марксистского анализа. Нет более жёсткого метода принуждения к труду, нежели экономический. Нам придётся об этом вспомнить.

Но работать мы не хотим – как и любой капиталист. Значит, скажем откровенно, придётся кого-то грабить. Сегодня к этим – скрытым за товарным и денежным оборотом свободного рынка капиталистическим способам грабежа – прибавился способ недобросовестного займа (вам – прибыли в виде процентов, нам – реальные сверхприбыли от использования ваших денег) с последующей отдачей займа свеженапечатанными деньгами собственного производства, с соответствующей инфляцией в нашу пользу.

Маркс всё-таки ещё считал деньги товаром и – в этом качестве – всеобщим товарным эквивалентом, а в качестве такого товара – в первую очередь золотом. В международных расчётах к золоту добавлялись другие металлы – серебро, а также медь. Сегодня деньги объективно лишены металлического содержания. Все призывы вернуть это содержание обращены в прошлое. США просто используют этот факт деятельности.

Мир материальных и нематериальных товаров так разросся количественно и качественно, что золота не хватит в обоих смыслах (столько не добыть и столько никогда не использовать в потреблении его самого как потребительной стоимости). Главное государство мира теперь печатает денег столько, сколько ему потребуется – в рамках сохранения собственного контроля над оборотом, разумеется. Это по-прежнему товар (всем, кроме государства-эмитента, его приходится покупать), но «производство» денег теперь полностью монополено и не имеет значимых издержек. Вот она, по-настоящему «инновационная» экономика! Маркс её ещё не знал. Но перенять её вряд ли возможно, пока новые мировые деньги обеспечены в первую очередь решающей военной мощью главного государства-

² Маркс К. Капитал, т. I, гл. 1-я «Товар», сноска 32-я. – М.: ГИПЛ, 1953.

эмитента и постоянно поддерживаемой реальной угрозой применения этой мощи. Что ж, кто первым успел, тот и съел.

Но ведь и мы утверждали в социалистический период, что деньги – это только расчётная фикция, управленческий инструмент, а не самодостаточная экономическая реальность, не товар. Утверждали. И даже делали. Но до теории не довели. Поэтому сейчас пользуемся долларом, а не рублём. Точнее – доллар пользуется нами.

Новые мировые деньги не меняют, а лишь подтверждают специфику капитализма, открытую для всех Марксом. Главный ресурс капитализма как экономики – то есть формы и способа организации хозяйства – как раз в создании специфических управленческих возможностей. За рыночным «равновесием» спроса и предложения, определяющим «реальные цены» товаров, скрыто неравновесие максимально возможного перераспределения исходной экономической субстанции, определяющей стоимость – абстрактного общественно необходимого труда.

Тот, кто видит скрытое, получает возможность управлять. Управляемые полагают, что они свободны, но им просто не повезло. Управляющие успешны. Они нашли новый способ усиливать отношения власти, которые до капитализма и несли на себе основную и тогда открытую всеобщему наблюдению функцию экономического перераспределения между богатыми и бедными, правящими и подчинёнными, трудящимися и неработающими. Теперь публичная, политическая власть может опираться на невидимые отношения управления, на то, что Мишель Фуко называл дисциплиной³. Подкреплённая невидимой для публичного правового и политического порядка дисциплиной (и в первую очередь, и существенным образом – подчинением, организацией и эксплуатацией труда), публичная власть теперь может позволить себе даже и «свободы», с которыми так носилась Великая французская революция, а после – русское мятежное дворянство и его выродившийся наследник, российская интеллигенция. При капитализме перераспределение публично невидимо. Это главное.

Совокупный труд имеет общественный характер. «Раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму»⁴. Частные работы – часть совокупного, общественного труда. Значит, они также имеют общественное значение, которое скрыто за их частным характером – прежде всего от них самих, но также и от всеобщего наблюдения.

Как мог бы труд вернуть себе свой общественный характер в качестве первых принципов и основ своего осуществления? Как он мог бы увидеть себя самого в истинном свете? Как он мог бы выстроить тем самым себя самого правильным образом и пожать все свои справедливые плоды для себя самого и своего собственного продолжения?

Главный Марксов анализ лишь высказывает предположения на этот счёт. Главная задача Марксова анализа в другом: показать разъятость между трудом и его использованием, показать, что «...процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства...»⁵. Может ли процесс «господствовать над людьми»? Вообще просто господствовать – ведь господство и есть отношение одних людей к другим. Значит, и за процессом производства стоят люди – те, кто господствует. Но не сами, не непосредственно, а через посредство процесса, через посредство управления процессом. Тот, над кем господствуют, видит лишь «господствующий» процесс. Кажется, это ясно.

Капитализм 3.0: высшая стадия после Ленина

Маркс точно исследовал классический, конкурентный капитализм середины XIX века. Ленин описывал капитализм следующего века, XX – капитализм монополистический, империалистический, военно-промышленный (В.И. Ленин, «Империализм как высшая

³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». – М.: AD MARGINEM, 1999.

⁴ Маркс К. Капитал, т. I, гл. 1-я «Товар. 4. Товарный фетишизм и его тайна». – М.: ГИПЛ, 1953.

⁵ Там же.

стадия капитализма»). Мы же возвращены в мир уже третьего — глобального, финансово-потребительского, террористического, тоталитарного капитализма. Оказалось, что высшая по Ленину стадия — уже не высшая, но эту ленинскую «высшую» в себя включает, как ленинская «высшая» включала Марксову. Всё это, конечно, требует — для точного применения — адаптации и развития понятий и категорий марксистской (и ленинской) политэкономии. Однако их круг в ядре останется тем же — для всех стадий развития капитализма.

Современные продвинутые глобальные капиталисты, которые понимают, что делают, и могут позволить себе роскошь делиться своим пониманием с посторонними, например, утверждают, что равновесие рынка — это не феномен, а лишь эпи-феномен, кажимость. Что главное в рынке — как раз его колебания, неустойчивость. Что главные экономические процессы историчны, то есть являются неравновесными и необратимыми переходами между состояниями разного качества. Что для рынка является исторической эволюцией его текущего усреднённого, «равновесного» положения. Равновесие формально, из его установления не следует никакая его объективность. А вот неравновесие, колебания рынка содержательны, так как выражают мотивы, цели и представления участников. Рынок рефлексивен — то есть разумен без всякой метафоры. Но разум рынка — разум субъекта, претерпевающего историю⁶. (Не 2008-й! Рановато, правда? — *Авт.*).

Не совсем похоже на «невидимую руку», наводящую порядок в экономике на правах суверена, принципала, сюзерена, правда? И уж точно далеко до всякой объективации через рынок. Что ж, ученик Карла Поппера может себе позволить такие утверждения. Он человек как минимум культурный.

И всё-таки труд останется трудом, стоимость — стоимостью, рабочая сила — рабочей силой, её эксплуатация — эксплуатацией. И так далее. И огромная резервная армия труда, а также пролетариат интернационального происхождения, рвущийся из «недоразвитых стран» в «развитые», чтобы быть там эксплуатируемым, а также эксплуатируемый в собственных странах капиталом из совсем других, — тому подтверждение. Просто эксплуатация труда стала глобальной. И даже самый простой, то есть самый тяжёлый, мускульный труд, сохраняющий значение преобразования биохимической энергии в механическую, всё ещё глобально экономически эффективен из-за своей дешевизны, которая, в свою очередь, поддерживается глобальной бедностью.

Но вот вопрос: как быть с нашим собственным хозяйственно-экономическим опытом 1917–1991 годов? Не с точки зрения пропаганды наших противников, потешающихся над нашими неумелыми и нелепыми потугами быть «рыночными», «демократичными» и «конкурентными», а с точки зрения Маркса и последующего необходимого развития марксистского анализа?

За время самого эксперимента мы трагическим образом этой критической и теоретической работы не проделали. Помешали запретительные догмы светской религии коммунизма, в которую был превращён весьма ограниченный набор Марксовых, ленинских и сталинских цитат.

Без этой работы, однако, весь наш опыт оборачивают против нас, превращая в запрет на развитие, на историю, на суверенитет. Так что эта работа должна быть проделана отечественной философской и гуманитарной мыслью, тем более что такие попытки делались начиная с диссертации Александра Зиновьева «Восхождение от абстрактного к конкретному. На материале «Капитала» К. Маркса» (ИФ РАН, М., 2002), защищённой на философском факультете МГУ в 1954 году. Дальше, однако, русские постмарксистские разработки уходят из официальных институтов в кружки — сначала в Московский логический, а потом в его продолжение — Московский методологический. Их политэкономические коннотации вынужденно скрыты и ещё требуют своей расшифровки. И тем не менее русский

⁶ Сорос Дж. «Алхимия финансов. Читая мысли рынка». — М.: ИНФРА-М, 1996; Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. — М.: ИНФРА-М, 1999.

постмарксизм проделал свою работу, пусть и полуподпольно, пусть его концепции не стали государственной идеологией в отличие от неолиберализма в США.

Труд и стоимость

Итак, в результате труда сворачивается и умирает процесс производства, конкретного целесообразного труда, производящего потребительную стоимость. Результат труда становится продуктом, когда попадает в другой процесс – потребления (неважно – непосредственного, конечного или как средство или материал для другого производственного процесса).

Маркс называет в первой главе «Капитала» такой целесообразный труд, производящий потребительную стоимость, деятельностью, производительной деятельностью, целесообразной производительной деятельностью. Деятельность как таковая как понятие и категория у Маркса не развёрнута, да и практически не используется, речь в основном и прежде всего идёт о труде. О самой же полезности, т. е. употреблении, использовании вещей, коими являются продукты труда (деятельности), в самом начале главы 1-й «Товар» говорится следующее: «Открыть... многообразные способы употребления вещей есть дело исторического развития».

Если бы не было обмена и стоимости как таковой (в отличие от потребительной стоимости), если бы результат целесообразного полезного труда (деятельности) становился продуктом непосредственно в деятельности (труде) его дальнейшего употребления, а не в процессах обмена, то есть не становился бы товаром, – субстанция стоимости не существовала бы. Целесообразные трудовые процессы (процессы деятельности) не соотносились бы через их товарное воплощение и овеществление. Необходима была бы действительность не искажённого товарным овеществлением представления процессов деятельности в их отношении друг к другу, а не отношения товаров друг к другу.

Что в такой действительности происходит со стоимостью? Она перестаёт быть субстанцией. Ведь в качестве таковой она есть мера вещей в их отношении друг к другу, какова бы ни была форма этого отношения (форма стоимости). Но тогда перестаёт быть субстанцией (в качестве таковой его фактически рассматривает Маркс) и абстрактный общественно необходимый труд, необходимый для создания его продуктов. Вот как это написано: «...как стоимости товары суть простые сгустки человеческого труда...» и, выше по тексту, где говорится, что после отвлечения от потребительной стоимости от продуктов труда не остаётся ничего, «...кроме сгустка, лишённого различий человеческого труда...»

Кажется, это ясно. Нет стоимости как субстанции – перестаёт быть субстанцией и абстрактный всеобщественный, средний, необходимый труд. Собственно, его существование обеспечивается системой капитализма (как подчиняющей всю хозяйственную деятельность без исключения товарно-денежному рыночному обращению) за счёт того самого отчуждения труда. Капитализм извлекает абстрактный труд из целесообразного труда, из деятельности, как перегонный куб извлекает спирт из вина. Стоимость (рыночная стоимость) абстрагирует исторически существующую деятельность как абстрактный труд, представляет деятельность как затрату рабочей силы индивидов. Очень похоже на ньютоновскую физику: мощность $\times$ время = работа. Действительность деятельность и замещена вещами – товарами, а через них мы видим только другие вещи – одинаковых индивидов с их конечной энергией.

Капиталистическая идеология отвергает саму возможность исключить оборот и стадию товара из цепочки «деятельность 1 – результат 1 – товар – деятельность 2 с товаром (продуктом деятельности 1)». Употребляя современный термин «логистика» (являющийся, по точной интуиции Хайдеггера, современным продолжением логики), капиталистическая идеология могла бы для ясности сказать: да просто невозможна такая логистика! Всё слишком сложно, запутанно, чтобы в современной деятельности увязать между собой все необходимые процессы, а все их результаты оформить как продукты и передать по точному адресу в нужном месте, в нужное время и в нужном количестве. Нет такого интеллекта!

Хотя... как насчёт современных компьютеров вместо Госплана (о чём любит порассуждать Вассерман в проекте «Однако»)? Нет-нет, бросьте, если бы и был такой интеллект, у него не было бы средств организационного, руководящего и управляющего воздействия на необходимые элементы деятельности, прежде всего на включённых в неё людей.

Так капитализм и говорит, например, устами Фридриха А. Хайека, ещё одного нобелевского лауреата, для которого социализм как экономическая система просто невозможен, поскольку он сам есть логическая ошибка. Высший разум в организации мира хозяйственной деятельности (производства полезных вещей) принадлежит рынку и только ему. «Научный (NB! – *Авт.*) же анализ показывает, что, следуя спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка (а эти традиции не удовлетворяют канонам и нормам рационализма, принятым у большинства социалистов), мы производим и накапливаем больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы которой претендуют строго на следование «разуму». Таким образом, цели социализма фактически недостижимы, и программы его невыполнимы; к тому же оказывается, что в действительности они несостоятельны ещё и логически»⁷.

Разумеется, оно вернее, когда научному анализу помогают термо-ядерные заряды, пропаганда, манипулирование курсом нефти, агентурная разработка руководства стран-противников, локальные войны и прочие приёмы строго научного подхода к делу, по всей видимости, как раз и опирающиеся на те самые «спонтанно складывающиеся нравственные традиции», которые не удовлетворяют нашим канонам мышления, но при этом так эффективны.

Социализм СССР – «ядро», а заодно и весь генерированный им социализм в мире – «оболочка» (в чём ещё с ужасом придётся убедиться так привыкшим к евросоциализму народам Западной Европы) рухнули как новый экспериментальный исторический порядок, создаваемый невероятным усилием русской цивилизации, под яростным напором противника, соединившего для этого весь экономический ресурс мира на долгосрочной основе (в отличие от Гитлера, который объединял с той же целью ресурсы лишь Европы, и лишь краткосрочно, за счёт военного принуждения). Рухнули, но были. И Европа поддерживала социалистический проект фактически – чтобы политически конкурировать с СССР, а также потому, что это её собственный проект. Проект, опережающим образом реализованный на географически «внешней» площадке – так же, как был реализован и европейский же проект радикального капитализма, вынесенный на «внешнюю» площадку США.

Что было, то возродится – как империя Рима. Проект социализма первый раз был реализован на всей континентальной Европе. Был – в самой неприятной (поскольку единственно признаваемой) для англо-саксонского мышления форме – эмпирической, фактической, практической, прагматической, исторической. Был, поскольку не просто случился, а позволил решить ряд, на английский взгляд, совершенно неразрешимых задач исторического выживания и экономического развития, в первую очередь русских, но также и других европейцев. А британский ум с 1917-го до 1944 года (открытия второго фронта в Европе) ждал падения большевизма и коммунизма в СССР сначала в форме саморазрушения, прежде всего из-за экономических провалов, а потом – под натиском «культурной» и «развитой» немецкой нации.

Рынок и мышление

Однако Маркс вряд ли смог бы развёрнуто возразить Хайеку и К⁰, другим нобелевским лауреатам. Он до Нобелевки не дожил. А дожил бы — всё равно бы ему её не дали. Но как раз Маркс описал и проанализировал данное ему эмпирически мышление рынка.

⁷ Фридрих А. Хайек. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости, 1992.

Именно мышление, о чём свидетельствует чёткая фиксация целей анализа самим Марксом: «Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* – задним числом, то есть исходит из готовых результатов процесса развития. Формы, налагающие на продукты труда печать товара и являющиеся поэтому предпосылками товарного обращения, успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди делают первую попытку дать себе отчёт не в историческом характере этих форм – последние, уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, – а лишь в их содержании... Такого рода формы как раз и образуют категории буржуазной экономии. Это – общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы (*Gedankenformen*) для производственных отношений... товарного производства»⁸.

Итак, хорошо уже то, что наши английские товарищи в лице как Д. Сороса, так и Ф.А. Хайека, а также иные продвинувшиеся до их понимания и уровня откровенности англосаксы понимают и признают то, что рынок (товарно-денежный обмен) – это не просто творческий материальный хаос, некая первопричина inferнального, а потому очень соблазнительного свойства, сила материализации всего и вся, или безличные весы, машина статистического усреднения, но – всё-таки разум, мышление, и мышление человеческое. Вся их позиция стоит на том, что в этом качестве человеческого разума рынок есть наивысшая стадия развития мышления и стадия окончательная.

Рискованность этого утверждения очевидна не только потому, что объявлять о конце развития (истории) представляется несколько преждевременным, даже исходя из мировоззрения самих либеральных мыслителей, обязательно включающих в свой языческий пантеон идолов прогресса, но и потому, что капитализм наполнен борьбой за тот самый отчуждённый труд, который заключён в стоимости товаров. Маркс определял характер этой борьбы как классовый и антагонистический. И эта борьба рождает другой разум, который относится к рынку и капиталистической деятельности в целом рефлексивно.

Маркс, установив существование абстрактного труда (а объективно – это труд уже оторванный от исходной целесообразной деятельности), его отчуждение от его источника (по Марксу – человека) и перекачку через превращение в стоимость туда, куда пожелает господствующий над обменом капитал (капиталист), ставил обязательную, необходимую цель освобождения труда. Однако труд, освобождённый от товарной формы своего продукта, от отождествления с субстанцией стоимости, а значит, и от абстрагирования и субстанцирования, то есть собственно от отчуждения, не может висеть в воздухе. Он должен вернуться к своему источнику, вернуться к самому себе и к тому, кому он должен принадлежать, сущностью кого являться, к Марксову человеку.

Маркс не даёт анализа новых форм экономического мышления, который будет сопрягать все виды полезного целесообразного труда в общественный комплекс без обращения к товарному обороту и стоимости. Он лишь предполагает их возможность и необходимость, а также пробивается к пониманию необходимых исторических условий для их появления. Он не предвидит, что это мышление и его практика может появиться в России, поскольку она не самая развитая в капиталистическом отношении страна.

Так что за Маркса друзьям-англичанам придётся отвечать нам. И для этого придётся прямо рассматривать всю человеческую деятельность как субстанцию и как мышление. Категория и метафизика труда недостаточна для построения эффективной политэкономии социализма, а без неё нельзя построить следующий шаг по отношению к первому социализму СССР, который пал под сокрушительным напором превосходящих сил противника отнюдь не в честной борьбе, но благодаря своим слабым местам, однако, будучи опытной первой моделью, выстоял невероятно долго и решил исторические проблемы нашего существования, недоступные рыночному мышлению.

⁸ Маркс К. *Капитал*», т. I, гл. 1-я «Товар». – М.: ГИПЛ, 1953.

К постмарксистской политэкономии

Для построения постмарксистской политэкономии социализма необходим перенос метафизического центра тяжести мышления с труда на категорию деятельности (мышления и деятельности,мыследеятельности), которая лишь упомянута у Маркса, но не могла быть развёрнута в силу сосредоточенности его анализа именно на товарно-денежной, капиталистической экономике как данном ему факте.

Советский полуподпольный постмарксизм (Архив ММК, mmk-documentum.ru) активно развивал эту метафизику и этот категориальный строй, однако его теоретические разработки не были взяты на вооружение советским государством.

Напротив, советское государство отгородилось даже от тех марксистских течений, которые разрабатывались в мире. Попытка описать и даже строить советскую плановую экономику в «классических», XIX века, марксистских категориях труда и стоимости, имеющих отношение всё-таки, прежде всего, к капиталистической действительности, привело к заимствованию и агрессивному включению капиталистических моделей капитализма в тело социалистической экономики. Оказалось, что освобождения труда для его гармонизации и преодоления отчуждения совершенно недостаточно. Неудивительно, что советский экономический строй получил во многом справедливую критику как государственный капитализм со стороны антисталинского крыла социалистической мысли, то есть троцкизма (например, Тони Клифф, «Государственный капитализм в России»).

Мы не считаем социалистическую экономику капиталистической. Советское государство странно рассматривать как субъект товарно-денежного оборота, главной целью которого является рост капитала, самовозрастание стоимости его собственности, извлечение прибыли. Это не подтверждается фактами. И тем не менее ледоруб в этом споре – не аргумент. Как и последняя работа хозяина ледоруба по теме, в которой делается попытка нащупать путь к теории стоимости при социализме⁹. Нам же нужны были не трудовые, а мыслящие, мыследеятельные коллективы как единицы социалистического общества, отвечающие за свои сегменты общего поля деятельности. Нам нужен был и остаётся нужен не коллективный труд как единица якобы общественного, неотчуждённого труда, а коллективная деятельность и мыследеятельность.

Для Маркса природе противостоит человек, взятый и как биологический, и как социальный индивид, как общество, сумма индивидов. И биологическое, и социальное становится материалом деятельности. Деятельность характеризуется в первой главе «Капитала» и так: «...труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, то есть не была бы возможна сама человеческая жизнь».

Всё точно. Деятельность естественна и вечна, но не в том смысле, как природа. Естественное в деятельности не имеет ничего общего с природным. В деятельности естественное существует (осуществляется) в паре, структурной связи с искусственным, в то время как в природе такого дуализма нет. Деятельность противопоставляет себя природе за счёт расщепления себя самой на искусственное и естественное. А природа монистична и, в принципе, не может противопоставить себя деятельности, она ничего не знает о последней. Переносить на деятельность характеристики природы, хотя бы и на её естественные процессы – недопустимый, хотя и соблазнительный натурализм.

Деятельность включает в себя человека, именно в деятельности биологический и социальный индивид (то есть социальный атом, далее неделимый) становится собственно человеком, приобретает субъективность. В деятельности человек существует и за пределами своей биологической жизни и потому разотождествляется с животным, пусть и разумным. Если освобождённый труд, покинувший свою абстрактную форму и стоимостную

⁹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: ГИПЛ, 1952.

субстанциальную отождествлённость, куда-то и возвращается – а именно к человеку, как его родовое занятие, – то он возвращается в деятельность.

Деятельность – это искусственно-естественный, не-природный, а-природный и анти-природный мир, мир человеческий, но никак не сводящийся к судьбе индивидов или их обществ. Они – лишь элемент деятельности, элемент человека. Вечность и естественность деятельности есть выражение её воспроизводства как основного сущностного процесса, но это не воспроизводство природы. Напротив, коллизия и несовпадение воспроизводства деятельности и воспроизводства природы, которая выступает как один из материалов деятельности (другим материалом деятельности является она сама) рождает целый спектр политэкономических явлений фундаментального свойства, таких, например, как «лишние люди».

Нужно ещё ответить, что является трудом в деятельности, как это связано со способом и формой включения индивида в деятельность, присутствует ли индивид в деятельности только как труд или как-то ещё иначе, можно ли понимать труд как индивидуальный материал деятельности. С другой стороны, чтобы появилась возможность решения проблемы отчуждения, нужно ответить, что ещё в деятельности, кроме индивида, захватывает сущность под именем «человек» (тут мы, увы, расходимся с Ханной Арендт, которая вполне в английском духе утверждала, что для неё существуют – т. е. живут – только люди, а не какой-то человек).

Тем не менее переход от метафизики труда к метафизике деятельности есть обязательное условие построения политэкономии будущего экономического порядка. Проект этого перехода при желании может быть найден в нашей русской философии (если не ограничиваться её официальной и кафедральной частью) второй половины XX века, т. е. в подлинно советской социалистической философии (а иной она и не может быть как философия будущего).

2. Суверенитет

Человеческая деятельность отделила человека от природы и отличила от животного. У человека – как только он стал человеком – более нет задачи выживания, он не зажат в природный ареал обитания и не поставлен в условия биологического равновесия с другими видами. Поэтому он способен рассматривать свою жизнь как средство, ставить для неё цель и назначение за её пределами и таким образом существовать за пределами собственной жизни. Религия является первой рефлексией, первым самовыражением этой сущности человека, хотя и не она делает его человеком. Это свойство человеческого существования Хайдеггер определяет как экзистирование.

Однако понимание человека только как разумного животного составляет самостоятельную и доминирующую линию европейского мышления, а для его англосаксонского типа – ядерную и определяющую. Это не может не отразиться на политэкономии, в английской традиции сводящей человека к наличному индивиду с его чувствами, представлениями, потребностями, желаниями, знаниями и даже целями. Это для неё, так сказать, очевидно. Англосаксонский политэкономический индивид («человек») рядоположен коровам, вещам, звёздам, всему сущему как ещё одно сущее, существующее тем же способом.

Продолжатели англосаксонской линии сами не обязательно англосаксы. Жак Маритен, конструируя идеологию послевоенных США (сам будучи при этом французским томистом), прямо требует умалить суверенитет в пользу этого эмпирического, то есть голосующего человека¹⁰. Но с чем мы расстанемся, расставшись с суверенитетом?

¹⁰ Человек и государство. – М.: Идея-пресс, 2000.

Человек: хозяйственная деятельность и территория

Первая в смысле необходимости деятельность человека – это хозяйственная деятельность, первый человек – хозяйственный человек. Деятельность создаёт – хотя и на основе природного материала, но принципиально неприродные сущности – вещи, которые и производятся, и потребляются. Человек, конечно, обменивается с природой веществами, но правильнее сказать, что деятельность использует материал природы. Человек же как индивид участвует в создании вещей и потребляет вещи: одежду, пищу (приготовленную на огне), оружие, орудия труда (среди других вещей), жилище. Он окружён уже не природой как первой оболочкой, а деятельностью, в первую очередь хозяйственной деятельностью. Её законам (естественным процессам), а не законам природы (выживания, эволюции и т. д.) он и должен подчиняться. Ею он и правит, если правит, – а не природой. Чаще, однако, деятельность правит человеком как его сущность.

То, что называется неолитической революцией, привело к прикреплению деятельности к географической поверхности. Возникли специфические вещи (организованности) деятельности: аграрные угодья (как посевные, так и животноводческие) вместе с их ирригационной техникой, недвижимость в виде постоянного жилья и хозяйственных сооружений, дороги (впоследствии и железные), реки как транспортные артерии, источники энергии и воды, широко понимаемая инфраструктура, месторождения полезных ископаемых, наконец, такие территориальные комплексы, как города. Это закрепление человеческой деятельности на поверхности планеты можно ёмко определить как появление территорий – больших организованностей деятельности, не тождественных природным суше и морю.

Территория – в отличие от просто природной среды, сколь угодно богатой по природным критериям, – даёт возможность резкого роста популяции людей по сравнению с мобильными группами охотников-собирателей, располагающих только природным ареалом миграции. Территория становится основной организованностью хозяйственной деятельности, в связи с чем впервые можно говорить о собственно экономике – форме организации хозяйственной деятельности, деятельности над хозяйственной деятельностью. Экономика появляется как деятельность по воспроизводству и развитию самой хозяйственной деятельности, отделяющей нас от природы. Основная вещь (организованность деятельности) экономики – территория – связывает и соотносит два основных экономических процесса (процесса организации и управления хозяйственной деятельностью): концентрацию деятельности и накопление деятельности.

Появление территории приводит к социальной революции. Люди начинают жить в определённом месте, определяемом территорией. С тех пор индивиды идентифицируются по появившемуся у них месту жительства. Накопление и концентрация деятельности ведёт к накоплению и концентрации людей. Возникают многочисленные и сосредоточенные («стоящие») в одном месте коллективы. Это порождает целый веер социальных процессов, среди которых в первую очередь нужно выделить политические – процессы вокруг и по поводу власти, являющейся основным и родовым социальным отношением, так или иначе определяющим содержание любого общественного явления.

Конкретная территория на планете возникает не одна. Разумеется, к этому располагают и природные предпосылки, но причина коренится в устройстве экономической деятельности – в формах концентрации и накопления. Территории «рвут» поверхность суши (и моря). Так появляются «естественные» границы в смысле деятельности (не природы!).

Государство и суверенитет

Такая фундаментальная политическая форма, форма организации власти как государство – есть выражение деятельностного существа территории. Государство защищает не людей и не народ, то есть коллектив, рождающий новых людей за счёт поселения и

прикрепления к территории (а без этого человеческие коллективы слишком малы и не могут стать народами), и даже не население, которое само есть свойство территории и выражение накопления и концентрации. Государство защищает саму территорию, оно есть политическая форма территории как главного экономического явления, оно заботится как о пространстве, так и о времени, необходимых для накопления и концентрации, для роста и развития территории.

Здесь мы должны прояснить понятие защиты.

Авторы претендующего на фундаментальность и окончательные выводы труда «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества», уже упоминавшиеся выше, ведут дело к тому, что государство есть способ урегулирования и снижения уровня насилия, особого помещения в рамки «специалистов по насилию» (термин авторов книги). Такое рассмотрение очевидно представляет человеческий коллектив сам по себе, «висящим в воздухе», неорганизованным никакими формами организации, кроме своих собственных. Люди в такой идеальной (а отнюдь не эмпирической) конструкции заданы противостоящими исключительно друг другу – поскольку только в такой форме непосредственного противостояния насилие осуществляется как насилие, в своей сущности.

Что ж, возможно до неолитической революции эту теоретизацию можно релевантно отнести к мелким бродячим группам охотников. В них человек отличается от животного только тем, что направляет своё насилие от другого человека на животное в процессе охоты. Однако и тут насилие превращается в охоту (и тем самым преодолевается) за счёт её разумной и коллективной организации – иначе человеку не одолеть зверя. Позже, в античности, малая группа людей с помощью мышления одолевает города – так рождается европейское искусство войны и государство, каким мы его знаем. Прекрасный анализ есть у русского философа М.К. Петрова¹¹.

Защита внешне выглядит как применение силы. Так же, как и власть. Однако главное в защите – противостояние превосходящей силе, то есть уже не с помощью силы, не только и не столько ею (хотя и с её применением). С властью все ещё более определённее: сама власть есть преодоление насилия (животного начала). Оно просто его заменяет. Власть есть приказ, предписание, то есть слово. Она адресована не телу (как насилие), а сознанию, духу, душе, мысли. Власть работает, поскольку она лишь напоминает человеку о его месте, о том, что он уже знает своё место. Власть – это разумное напоминание и предложение вернуться на своё место. И человек возвращается. Почему? Потому что это его место, его дом, каким бы он ни был в сравнении с другими домами.

Место и дом защищают человека помимо всякого насилия, всякой силы. Территория даёт человеку место – и он не висит в воздухе, не бродит в чуждой ему природной среде. В деятельности и мышлении он у себя дома. Поэтому государство как организованная власть есть, прежде всего, мышление по поводу деятельности (и хозяйственно-экономической деятельности как первой в смысле необходимости). Власть есть мышление, ухватывающее деятельность, выражающее её (и от неё зависящее), принуждение власти (и государства) есть лишь мыслительное, словесное, знаковое выражение принуждения деятельности, её обязывания, прикрепления людей к деятельности, а не к природе. Впрочем, если мой дом, моё место, моя территория обязывают меня, то я – если в сознании – эту обязанность выполню. Приведение в сознание не есть насилие.

Суверенитет есть мыслительное содержание государства, защиты и власти. Суверенитет есть сущность государства – как мышление, схватывающее деятельность территории и с территорией. Суверенитет – мышление самой территории, обретающее государство как своё выражение и форму.

¹¹ Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли. Альманах «Восток», выпуск № 1/2 (25/26), январь-февраль 2005 г. // http://www.situation.ru/app/j_art_739.htm.

Капитализм и вызов суверенитету

Территория – не товар. В истории есть случаи покупки и продажи территорий, но это исключение, ничтожное к тому же по площади. И уж точно они не образуют никакой оборот. Капитализм игнорирует территорию как главное «тело» экономики. Вот точные – и самые первые слова «Капитала» Маркса: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства». Всё точно.

Смысл товаров – в торговле ими, в перемещении. Масса товаров нетерриториальна. Промышленность нетерриториальна (в принципе), переносима с территории на территорию. Поэтому авторы упомянутого «Насилия и социальных порядков» считают промышленную революцию рождением нового социального порядка и сравнивают её масштаб с революцией неолитической. В этом они неоригинальны, в этом они марксисты.

Промышленная революция есть вызов территориальному мышлению. Капитализм не хочет видеть территории как главное богатство народов. В урезанном и натуралистическом (то есть лишённом его деятельностной действительности) виде территория «просачивается» в представление о факторах производства как «земля» (наряду с трудом и капиталом). Но в полит-экономии капитализма и речи быть не может о продолжительных, исторических процессах накопления и концентрации. Разум рынка сиюминутен.

Социалистическое же государство предусмотрительно, оно властвует во времени, оно озабочено будущим – не утопией будущего общественного строя, а действительным будущим территории, народного дома как реальным объектом власти. Поэтому социалистическое государство представляет собой мышление другого уровня.

Капитализм последовательно, от первой (собственно Марксовой) фазы конкурентно-рыночного состязания многих капиталистов, через вторую, монополистически-империалистическую фазу (ленинскую и сталинскую), и в третьей, современной стадии — глобальной (эксплуатирующей через финансовый механизм весь мир в интересах государств британской политической нации и их клиентов – государств Западной Европы), старается убедить индивида отказаться от дома, от места, от территории и переселиться в атерриториальный универсум товаров, что принесёт индивиду свободу и счастье, прежде всего, освобождение от власти и государства – то есть от разума.

Правда, тогда и сам индивид должен полностью и окончательно стать товаром. Для этого ему уже не нужно продавать рабочую силу и отчуждать свою жизненную энергию в виде абстрактного труда (хотя изгой будут ещё делать и это). Ведь после этого остаётся ещё неурегулированный, нерыночный человеческий, субъективный остаток, ведущий классовую, политическую борьбу. Индивид третьего, тоталитарного, глобального капитализма продаёт себя самого, вместе со всеми своими проявлениями. Он свободен от какой-либо возможности стать субъектом. Индивид глобального, тоталитарного, третьего капитализма целиком и полностью определяется своей стоимостью. Она заменяет субъектность. Отсюда такие внешне благонравные и «продвинутые» рассуждения о «человеческом капитале». Однако за ними стоит вполне людоедская деятельностная реальность расходования людей и обмена их друг на друга в соответствии с их стоимостью с их полного на то согласия.

Территории и их народы, «обезжириваемые» глобальным капитализмом, подлежат в конечном счёте разрушению и целенаправленной деградации, дроблению в товарную массу. Допустить сохранение этих территорий значило бы сохранить опасный источник мышления и государственности планетарных масштабов, конкурентный центру управления миром. Допустимый уровень разумности не должен превышать финансовой разумности, взвешивающей на мир товаров, за которым не видно мира деятельности. С самим миром деятельности финансовый (рыночный) разум справиться не в состоянии. Поэтому знание деятельности остаётся тайной глобального капитализма – как и двух капитализмов перед ним.

Публичное знание деятельности станет политэкономией социализма. Российская империя шла последовательным историческим путём создания территории. Заселение,

освоение, строительство дорог и другой транспортной инфраструктуры, электрификация и газификация, работа с недрами – всё это создание территории. В современном мире такое государство может быть только социалистическим по политэкономическому типу.

Английский капитализм заселял, то есть колонизировал в классическом античном смысле, свои новые владения только на своём американском этапе. И откачивал. Дальше всё закончилось американской революцией и отделением колоний. Второй «заход» на колонизацию был колонизацией лишь в привычке использовать это слово. Уже Индия была полностью чужой территорией исключительно для откачки ресурсов без попыток на ней устроиться, не говоря о политике в отношении Китая. Когда экономическое значение индийских ресурсов упало настолько, что Индия стала приносить систематический убыток, её благородно предоставили самой себе. Таков же и англосаксонский подход ко всему остальному миру.

Что ж, английский подход рождался на острове – его легче защищать, но у него заведомо ограниченная территория, развивать нечего и некуда. Остаётся только грабить.

Нас уже топят в импортной товарной массе. Мы думаем, что что-то изменим, если будем топить себя в ней сами вместо развития и защиты своей территории. Это ошибка. Грабить мир мы не умеем – никогда этого не делали.

Советский опыт суверенитета и его проблемы

Несколько слов необходимо сказать теперь о советской стране. Автаркия как политэкономическая и геополитическая стратегия была реальной основой советского суверенитета в качестве принципа. Вынужденно избыточной была при этом военная составляющая нашей территориальной защиты. Но завалили нас не поэтому. Не из-за военных расходов. Военная мощь сама по себе необходима, в том числе и экономически. За валютой США, которую они печатают для всего мира, в роли обеспечения стоит только эта мощь. Во всяком случае, её PR. А вот наш переход на торговлю нефтью в обмен на импортные товары нарушил нашу автаркию, поставил в экономическую зависимость и позволил манипулировать нашей экономикой извне. Это оказалось слабым местом – тут А.Б. Чубайс прав фактически, хотя он и придаёт совершенно иное значение этим фактам.

Мы автаркию не удержали. И централизованное планирование, и руководство хозяйством имеет о-го-го какие слабые места, но совсем не те, которые приписывают ему англосаксонские пропагандисты от политэкономии. Проблема там же, где и преимущество: если цели не поставлены, то никто их и не достигает. Не ставили мы целью создание автопрома под индивидов. Его и не было. А авиацию создать – ставили. И она была. Я молчу о джинсах и видео. Последнее вообще было запрещено идеологически (религиозно), как и свободное ксерокопирование. Но это не значит, что всё это было невозможно экономически. Так что вопрос тут в проектном мышлении.

В 1979 году полуподпольное русское философско-методологическое сообщество получило официальный государственный заказ на ассистенцию в постановке задачи на тему... какую бы вы думали? «Разработка ассортимента товаров народного потребления для Уральского региона». Ничего не напоминает? И год соответствующий. С чем столкнулись организаторы этой работы, можно увидеть в детальной стенограмме¹². И второе. Централизованную систему можно отключить также централизованно. С пульта. Если до него добраться. Или подкупить оператора. Что и было сделано.

В следующий раз нужно проектировать лучше. Предусматривать защиту. И не ударяться в светскую религию, неважно – коммунизм или демократию. Автаркия для нас пока недостижима, но о стратегически независимой, безопасной и суверенной экономике думать и говорить необходимо. Хоть нас за это и будут примерно наказывать. По крайней

¹² См.: ОДИ 1. Наследие ММК. – М., 2008.

мере, попытаются. Но политическая система должна это выдержать – извне и изнутри. В этом минимальное требование к её проектированию.

3. Новая политэкономия: возвращение государства в экономику

Богатство СССР, его действительные экономические ресурсы представляли собой не мир товаров, а мир современных средств производства, высокоразвитую территорию, высокообразованное население.

Всё вышеперечисленное не являлось товаром в плановом хозяйстве. Товарный оборот был ограничен товарами непосредственного потребления (т. н. «группа Б»), прежде всего, продовольственными. Бедность этого товарного кластера как раз и была аргументом для развала СССР, основой «избирательной программы» возвращения к капитализму. А точнее – для перехода к некоей имитации американского капитализма, которого у нас никогда исторически не было и не будет.

Политэкономия приватизации

Все экономические ресурсы СССР номинально, юридически и политически были превращены в товары «инвестиционные», которые должны были быть – и были – оценены и проданы по бросовой цене.

Во-первых, потому что должны были образовать основу состояния новых богатых. Этот процесс прямо обратный капитализации. Ведь те, кто получил эти «инвестиционные товары» в подарок от новой власти, уже обогатились за одно историческое мгновение так же, как капиталист за всю свою жизнь, целиком посвящённую борьбе за самовозрастание стоимости. Зачем же приватизатору становиться капиталистом? Он уже всё получил.

Во-вторых, чтобы обналечить захваченное – советское промышленное и территориальное имущество, нужно было продать его иностранному владению для использования или ликвидации. Вместо обещанной сверхкапитализации была проведена декапитализация, обесценивание советского имущества через включение в неравновесную систему оценки. Ведь это имущество было ранее исключено из товарного оборота. Значит, такой оборот должен был стартовать с нуля. Основанием для приобретения заводов стал не опыт промышленного бизнеса, а создание кооперативного кафе, присвоение партийных и комсомольских денег, торговля импортным ширпотребом.

В плановом хозяйстве инвестором было государство. Приватизация не создала новых инвесторов. Основная деятельность новых богатых свелась к прямо обратному – к спекуляции свалившимися на них богатствами, к обналечиванию и обеспечению ренты. С падением СССР рост хозяйственной деятельности сменился стремительным свёртыванием и сокращением, деградацией её элементов, включая людей.

Сделать свои богатства легитимными и окончательно легальными новые богатые могут только за пределами русского суверенитета, поэтому работают на его разрушение. Легальность и легитимность новых частных богатств можно найти только в новом глобальном порядке, где все суверенитеты эффективно ограничены в отношении богатых, а сами богатства освобождены от истории происхождения. Этот порядок обещан со стороны США и является главным геополитическим обещанием уходящего мирового гегемона.

Политэкономия приватизации осталась ведущей и после того, как закрома готовых в прошлом народных имуществ сильно опустели. Партия новых богатых никуда не делась после ухода Ельцина. Она и сегодня в значительной степени контролирует правительство. Выдвигаются всё новые предложения по продолжению приватизации оставшегося государственного имущества.

Но приватизация как политэкономическая действительность гораздо шире юридических рамок законной (и не очень) продажи госсобственности. Политэкономия приватизации есть легитимная для новых богатых, хотя и в том числе полу- и вовсе не

легальная экономическая практика частного обогащения за счёт всех экономических возможностей государства – госрасходов всех видов, монопольных преимуществ и приоритетов, выбора партнёров в частно-государственном партнёрстве и т. д. То, что неловко и смущённо называют в правящей партии коррупцией, в действительности есть политэкономическая основа действующего политэкономического порядка, политэкономия приватизации.

В своём деятельностном содержании это ликвидационная, а не инвестиционная программа. А нам нужны новые города, новые отрасли промышленности, новые транспортные магистрали, новые источники энергии, новые системы связи. Однако политэкономический механизм, работающий сегодня, обеспечить этого не сможет в принципе, поскольку работает в противоположном направлении. Приватизаторы откупаются от избирателей социальными расходами, которые сегодня тоже не имеют инвестиционного характера, а являются частью экономики потребления. При этом работать, как китайцы, мы не хотим, почему-то наивно считая, что чисто экономическое принуждение к труду более «гуманно», чем «неэкономическое» в плановой экономике.

То капитальное имущество, которое всё-таки остаётся формально государственным, также «обезжиривается» приватизаторами, но, несмотря на это, всё-таки частично обеспечивает общенациональные экономические интересы. Без этого сектора экономики мы бы уже занимались сейчас тем, чем увлечённо занимаются Египет, Ливия, Сирия и другие. Правда, всё ещё, может быть, впереди.

Приватизацию пока не удалось натянуть на всё хозяйство. К государственному сектору экономики нужно отнести также и те в основном технологические корпорации, которые хоть и перешли в частные руки, но деятельность которых сегодня по-прежнему (или снова) осуществляется в координации с государством. Эти промышленные капиталы все основаны на исторической преемственности с советской научной и промышленной компетентностью. Этот сектор по-прежнему обеспечивает целостность русского народного хозяйства, его частичное воспроизводство.

Правда, при низком качестве государства, понимаемом как формальное, механистическое отправление административных функций, у государственного сектора экономики соответствующее низкое качество. Поэтому любое развитие государственной проектной экономики предполагает и развитие, принципиальное изменение качества государства. Это неизбежно государство, контролирующее капитал, а не наоборот. Сторонники приватизации стремятся ухудшать государство для продолжения приватизации.

Проблематика прогресса и сверхпотребления

Социализм, от пилотного проекта которого в России (и его клонов и проекций в «капиталистических» странах) сейчас откатывается капиталистический мир, по-прежнему остаётся единственной проектной идеей европейской цивилизации.

Однако чтобы двигаться дальше, из социалистического проекта нужно вынуть взятый от промышленного капитализма блок сверхпотребления, решающий проблему кризисов перепроизводства и обеспечивающий формальный экономический рост, но приводящий к избыточному и ненужному – для основных экономических процессов концентрации и накопления, обеспечивающих воспроизводство человеческой деятельности, – производству и имитации производства.

Этот производственный сверхизлишек приводит к перерасходу всех ресурсов деятельности, в том числе перерасходу и бессмысленной трате времени человеческой жизни и труда. Сверхизбыточное производство требует «рынков», чтобы выкачать оттуда финансы и сплавить продукты производства в качестве товаров. Но откуда в «рынках» возьмутся финансы, если их туда не направить? И что на эти выкачанные финансы потом можно приобрести? Ресурсы деятельности, конечно, как хотелось бы. Территорию, энергию, материю разного рода, деятельностных людей. А откуда всё это возьмётся? Промышленное

развитие, будь оно хоть «третьей технологической волной», хоть «пятой», неизбежно требует геополитики экспорта. И не надо так хаять «нефтяную», «газовую», «сырьевую» вообще «иглу». Это всего лишь вариант промышленного экспорта, вполне высокотехнологичный и развиваемый. Чем больше собственно промышленности – тем больше экспорта требуется: вот Китай, вот Япония, вот Германия.

Последняя только что получила публичное политическое замечание от... США. Североамериканский Минфин обвинил Германию в том, что её экспортоориентированная экономика вредит еврозоне и миру. Больше надо покупать у Греции и Португалии, граждане немцы. А то как-то нехорошо получается: вы богатеете, другие на вашем экспорте беднеют, залезая в долги. Ну, раз просто не хотите давать деньги, тогда покупайте что-нибудь ненужное. И подороже. Ничего не напоминает? Может, сразу начать с «Еврогосплана»?

А другого пути нет. Ибо т. н. «рынки» – как воронки потребления, то есть утилизации продуктов перепроизводства в ответ производят долги: финансовый эквивалент израсходованных впустую ресурсов деятельности. Как следствие, падает возможность покупать. А долг приходится переносить на того, кто не способен сопротивляться, – это делает уже государство, – и списывать.

Мы можем понять американский минфин. Пока работал финансовый «пылесос» американского заимствования – частично благодаря соблазну, частично благодаря убедительному геополитическому принуждению – Германии можно было позволить «качать» старым английским способом, с помощью промышленного экспорта. В отличие от прямого американского финансового грабежа этот старый способ менее эффективен и очень трудоёмок. Но сейчас «пылесос» даёт сбой, настала пора списания – ползучего невозврата и дефолта. На этом фоне Германия с её старым экспортно-промышленным способом может и вырваться из-под политэкономического контроля США. Из-под их власти. Что будет означать конец послевоенного устройства мира.

Капитализм, исторически использовавший промышленную революцию для установления своего тотального господства, строится на гипертрофии, сверхусилении процессов производства, подчиняющих себе все остальные процессы деятельности. Этим, кстати, страдал и СССР, подражая капиталистическому миру: над всем довлел производственный подход. На службу производству при капитализме ставится развитие, которое таким образом становится т. н. «инновационной» деятельностью. При этом развитие лишается своего исторического революционного назначения – радикально менять целое деятельности. Это приводит к фактическому застою – кризису, при видимости изобилия.

Капиталистический «прогресс» – отнюдь не синоним развития. Это разновидность роста – промышленный рост, который на финансовом этапе развития заменяется понятием «экономического роста». Прогресс-рост обязан, прежде всего, обслуживать рост прибыли. Производство истощает ресурсы воспроизводства деятельности, базового процесса деятельности, что и приводит к так называемым «кризисам» организмов деятельности. Эффективное функционирование тоже становится жертвой рыночного хаоса. Долговечность эффективных функциональных систем приносится в жертву изменениям, которые нужны для бизнеса, для поддержания роста прибыли в следующем квартале.

Политэкономия исторического развития государства

Гармонизация производства и других процессов деятельности – воспроизводства, развития, функционирования, организации-руководства-управления, утилизации и ликвидации отходов – может быть делом только исторической предусмотрительности, которой может обладать только государство, и никогда никакое общество, живущее всегда сиюминутной борьбой интересов.

Поэтому социализм как проект, а не как коммунистическая утопия, есть синоним проекта исторического развития государства, его разума и власти. В простом хозяйственно-

экономическом смысле – это возвращение к идее экономики как экономии, искусству управления домом, то есть страной.

Не нужно покупать автомобиль каждые три года или чаще, нужно пользоваться им десятилетия. Не нужно покупать автомобиль ранее приобретения жилья. Не нужно покупать автомобиль для полного отказа от общественного транспорта. Не нужно покупать десять некачественных (имитационных, поддельных) видов продуктов питания вместо одного качественного. Не нужно уничтожать здоровье разнообразными видами потребления, чтобы потом заменять его отсутствие медицинскими технологиями. И т. д. А значит, всё это не нужно производить и рекламировать. Три телевизора в квартире вместо одного, возможно, и не излишество, но это точно не накопление и не концентрация ресурсов деятельности.оборот услуг по имитации деятельности, может, и «занимает» лишних людей, но он не создаёт никакого «человеческого капитала», является лишь способом впустую потратить их жизнь. Не говоря уже о том, что всё это – сфера издержек и убытков, которые требуют источника для своего покрытия.

Грядущий экономический порядок потребует деятельностной нормировки потребления, труда, времени, жизни. Этому требованию объявлена анафема от имени глобальной либеральной церкви как тоталитаризму и несвободе. Однако для деятельности нормы и образцы – это основа её существования, воспроизводства. Грядущая политэкономия потребует не только социальной инженерии, но прежде всего культурной. С этим не справились – как с проектной проблемой, а не как с опытным поиском, – ни Россия («пролеткульт»), ни Китай («культурная революция»). Возможно, речь должна идти о проектировании образа жизни поколений, каждое поколение должно иметь перспективу своей жизненной задачи.

Радикальное же отрицание осмысленной и культурной жизни как несвободной – главный посыл неолиберальной политэкономической мысли. Удивительным образом либеральная мысль уходит от темы действительного разнообразия, являющегося, как кажется, ресурсом как воспроизводства, так и развития как его обеспечения. Воспетое неолиберализмом проявление животной «природы» человека (не в мире природы, конечно, куда он никогда не вернётся, а в мире его собственной исторической деятельности) удивительно однообразно. Как говорится, украл, выпил, в тюрьму. Также однообразны и отражающие это хождение по кругу многообразные «инновации», призванные старый товар представить как новый с целью его приобретения взамен старого.

А вот осмысленность жизни и культура (как основа, «генетический код» деятельности) образуют действительное разнообразие деятельностных (значит — и экономических) ресурсов. Тут открывается такое поле выбора и творчества, что оно не может быть урегулировано никакими одномерными процедурами тоталитарной рыночной всеобщей демократии.

Последняя выстраивает всех людей в единую линейку их стоимости, сворачивая все мотивации к единому вектору движения по этой линейке. Динамика такой системы с единственной переменной неизбежно требует распределения всего множества элементов по этой линейке, а образуемые в этой системе «силы» или «энергии» прямо зависят от масштабов и неравномерности распределения. Стремление к богатству конструируется как основная экономическая мотивация.

В то же время «экономикс» в качестве исходного тезиса утверждает, что экономическая действительность – это распределение ограниченного, дефицитного ресурса. Таким образом, богатство есть контроль над большей частью дефицита и тем самым – власть. Богатство относительно. У него нет собственного экономического значения. Оно вынуждено приобретать своё содержание в пространстве политики, то есть борьбы за власть. Грядущий экономический порядок будет основан на возвращении государства в экономику и на отказе от идеи богатства как от релятивистской экономической метафизики. Полагание богатства есть обязательное полагание бедности.

Мы не Африка. И даже не Латинская Америка. У нас пока нет фавел ни в Москве, ни в других наших столицах. Наша бедность – ещё не нищета. И всё потому, что мы получили от СССР высокоразвитые территорию и народ-население.

Либеральный экономический порядок не рассматривает бедных даже как резерв. Это отбросы, неудачники. Занятие этих отбросов – криминальная деятельность, в которой заинтересованы богатые, поскольку контролируя её, богатые выстраивают механизмы власти. И это не вегетарианские экономические преступления (для этого нужно иметь хоть какое-то отношение к сфере богатства), а самое настоящее зло: убийства, грабёж, изнасилования, массовая наркоторговля. Поэтому либеральное государство, не вмешивающееся в экономику, основной функцией закономерно имеет полицейскую функцию – держать весь этот сброд в узде и не пускать в богатые районы. Так называемое правовое государство и есть полицейское, за принципом господства права стоит господство правоприменителя. Когда все немалые силы государства уходят исключительно на подчинение всего и вся закону, полицейские стреляют на основании подозрений во всё, что движется. У нас пока ещё не так, и поэтому мы пока ещё и не США.

Новая политэкономию: прикладные уроки и прикладные задачи

Маркс не построил собственно политэкономии. Он не задавал такого объекта, предметными проекциями которого были бы в разных отношениях деятельности экономики и политики как самостоятельные действительности, между которыми можно было бы строить связи политэкономии, находящиеся в комплексной действительности её собственного предмета.

Маркс анализировал экономическую действительность товара, а потом интерпретировал недостающее содержание деятельности, ущербность товарной экономической действительности как политику. Можно сказать, что он строил политическую рефлексию товарной экономической деятельности. Неизбежные кризисы («разрывы») в экономической деятельности должны разрешаться и компенсироваться политикой. Отсюда – называние экономики (экономической деятельности) «базисом», а политики – «надстройкой». Маркс начинает с экономической действительности как представитель английской экономической школы. Неудивительно, что эта действительность оказывается первичной «в объекте», поскольку она уже была первичной в методе.

Политические процессы такой «надстройки» ведут нас к борьбе труда за справедливые условия договора с властью (капиталом) о его отчуждении. Так рождается трудовое право. Его появление следует из политэкономии Маркса как политической рефлексии буржуазной «экономии». Однако труд сам не может претендовать на власть, ибо по определению не обладает достаточной деятельностной субъективностью. Он есть нечто отчуждённое от субъекта, потерянное субъектом.

Социализм есть трансцендентная по отношению к борьбе трудящихся за свои права идея. Это идея самоутверждения власти на труде, принципиального развития и проникновения власти в социум, возвращения труду субъективности путём превращения его в деятельность всей популяции. Договор – справедливый или нет – оставляет отношения, порождённые трудом, в пространстве буржуазного общества. Социализм это не справедливость и не равенство – всё это категории, лежащие ещё в пространстве договора. Социализм совершает скачок по отношению к трудовому договору как политической форме существования труда. Труд, оставаясь отчуждённой деятельностью, становится сначала сам государством, тем целым, в отношении чего осуществляется отчуждение.

Тем самым делается шаг к «снятию» отчуждения, к возвращению субъективности. Тогда мы должны понять труд как деятельность. А значит, мы вправе и должны полагать комплексный объект политической «экономии» или экономической «политики», то есть деятельности, в которой политическое и экономическое неразрывно связаны как трудовая деятельность или деятельность труда. Конечно, таковая деятельность – не деятельность по

производству и обмену товарами. Товар не может быть её «клеткой». Клеткой может быть только сфера деятельности со всеми её процессами, перечисленными выше.

Капитализм гипертрофирует производство, поскольку превращает его в инструмент извлечения прибыли. Перепроизводство как проблема никуда не исчезает, хотя уже не выражается в устойчивом падении цен, тормозящем экономический рост, но, как и в начале капиталистического пути, остаётся основным механизмом кризиса, даже если прячется за ширмой гипертрофированного перепотребления.

Перепотребление лишь уничтожает продукты перепроизводства как специально организованная именно для этого деятельность (в ней, разумеется, нет ничего природного), но само дальше никуда не ведёт. Финансовый капитал даёт кредиты и перепроизводству, и перепотреблению, стремясь извлечь уже сверхприбыль. Таким образом, перепотребление непосредственно ведёт к разрыву в воспроизводстве деятельности в целом.

Для гармонизации деятельности (организации единства экономики и политики) необходимо организовать потребление, в том числе конечное потребление, поддерживающее жизнь и воспроизводство людей, как деятельность, нормированную целями деятельности, её воспроизводством. Но нормированное потребление – это не бедность. Это абсолютный показатель действительного общего уровня экономического развития в целом.

Можно утверждать, что в целом человеческой исторической деятельности экономическая деятельность как раз и является мерой потребления, поскольку отвечает за поддержание материального существования человека. Можно сказать и по-другому: экономическая деятельность и есть жизнедеятельность (не жизнь!), та деятельность, которая делает возможной жизнь человека в деятельности, а не в природе. Жизнедеятельность, экономика (вместе с включённой в неё собственно хозяйственной деятельностью) и связывают воспроизводство деятельности и воспроизводство людей (не только как биологических особей, но и как социокультурных, деятельностных индивидов, как материала деятельности), определяя дефицит и излишек людей.

Так что нормирование потребления и установление экономического порядка — это, по существу, одно и то же, а не какое-то «внешнее» («политическое») действие по отношению к потреблению. Это установление норм деятельности потребления в контуре экономики как её содержания, а не определение размеров пайков военной администрацией, хотя в истории потребления случалось и такое. Распределение с этой точки зрения – также лишь один из механизмов общественного потребления. То, что выходит за рамки экономики, выходит и за рамки жизнедеятельности.

Связь и отношение политики и экономики мы можем эффективно понимать как связь и отношение мысле- и жизнедеятельностей. Что, в свою очередь, есть не что иное, как образ жизни. Попытка использовать суррогат религиозного образа жизни, когда жизнедеятельность подчинена светской вере, идеологии, не даёт необходимой политэкономии – в этом негативный опыт СССР. Это модель из исторического прошлого, попытка подражать протестантскому духу капитализма. Однако попытка передать субъекту фокусы мыследеятельности и жизнедеятельности за счёт передачи имущества, вещей (к тому же вынутых из деятельности, организованной совершенно иначе, чем при атомарном, индивидуалистическом капитализме), а не самой мыследеятельности, формирует ещё более отвратительный, полностью нигилистичный образ жизни – тот, который ведут новые богатые. Он есть полное отрицание какой-либо деятельности.

В поисках исторически нового образа жизни, новой политэкономии мы можем идти только путём преобразования труда в деятельность, путём возвращения ему отчуждаемой частной эксплуатацией субъективности. Частный характер отчуждения тем более в нигилистическом, предельном варианте означает и невозможность возврата отчуждённого.

Двадцать лет приватизации ясно показывают, что «новые частники» за редким исключением пока никуда вообще инвестировать не собираются, тем более в долгие инфраструктурные проекты. Они ликвидаторы деятельности, а не её организаторы.

С другой стороны, можно до бесконечности предлагать властям инвестировать государственные средства в территорию (например, хотя бы в дороги), тем самым создавая возможности и для действительного экономического накопления (например, пенсионного). Но происходить это не будет до тех пор, пока власть не вспомнит, что она сама воспроизводится за счёт государства, а богатство – лишь относительная форма власти при капиталистическом порядке, сама по себе никакого воспроизводства не обеспечивающая. Такое «вспоминание» власти о собственных основаниях, скорее всего, примет форму уже не экономического, а политического кризиса. Сегодня же государственных кадров, стремящихся к власти, а не к богатству, почти нет. В крайнем случае стремятся к власти как к средству достижения и эквиваленту богатства, но не более того.

Между тем такое социальное государство, как Германия, в поисках формы концентрации и накопления экономических ресурсов (капитала) реализует государственный проект децентрализованного производства энергии, где производящей единицей является отдельное здание (сооружение) – неважно, жилой дом или офисное (тем более промышленное) здание. Энергия выбрана как наиболее дефицитный фактор производства. Разумеется, ещё нужна сеть, позволяющая этим маленьким генерирующим «клеткам» отдавать и принимать энергию, своего рода энергетический интернет. Как кажется, это т. н. «зелёная энергия». Но главное не во всём этом. Главное в том, что создаётся новое качество территории – как города, так и деревни, пригорода, малого города. И это качество представляется ёмким инвестиционным «резервуаром» для длительного накопления.

Футурологи и утописты на этом основании германского опыта провозглашают ни больше ни меньше «третью промышленную революцию» (первая – пар на угле и дровах, вторая – электричество на нефти и газе): см. например, Джереми Рифкин, «Европейская мечта. Как европейское видение будущего постепенно затмевает американскую мечту». Утопический гимн подхватывают затем политические либералы всех родов: раз домохозяйство теперь не только потребитель, но и производитель, появится наконец-то обоснованное мнение этого домохозяйства как участника политических процессов, чего так не хватает массовой управляемой демократии, вынужденной эти мнения имитировать.

Насчёт мнения – это, конечно, вряд ли. Как, впрочем, и насчёт «революции». И скрытый за рассуждениями Рифкина тезис о том, что в основе кризиса экономики, ориентированной на рост, лежит дефицит энергии, этот рост сдерживающий, и что именно этот дефицит и есть негативное содержание накопленных неотдаваемых долгов, – вряд ли этот тезис верен. Разумеется, человеческая деятельность вовлекает и преобразует материал природы, в том числе такой универсальный, как энергия. Да, труд есть также отдаваемая человеком физическая энергия из его биологического тела как источника. И привлекаемая из природных источников энергия позволяет заменить мускульную энергию человека. Исчезают конкретные виды полезного труда — такие как труд бурлака, докера, землекопа, рикши (хотя вовсе не везде на планете). Растёт значение таких составляющих труда, как искусство физического оперирования (ловкость, мастерство, hand made) и интеллектуальных усилий. Их тоже, впрочем, частично заменяют роботы и компьютеры, говоря бытовым языком. Кажется, труд исчезнет. Другая, более ранняя книга того же Рифкина называется «Конец работы».

Всё это неверно. Труд никуда не денется. Человек всё равно будет затрачивать усилия – мускульные и нервные, участвуя в деятельности, пусть и несколько иные. И эти усилия всё равно будут порождать действительность политэкономии. Ибо главное в них – воля и время жизни, субъективность, деятельность. Взгляды же, подобные описанным выше, – наивный и ошибочный натурализм. Из того, что такой материал труда, как энергия, «похож» на энергию природную, нечеловеческую, недействительную как на другой материал, вовсе не следует, что природная энергия заменит труд в его действительном содержании. Как справедливо заметил Маркс, материала природы в труде (и в стоимости) не более чем в биржевом курсе.

Так что германский опыт последних 5–10 лет важен, прежде всего, как пример того, как именно государство развивает свою собственную территорию, как пример создания нового

вида деятельности, а не просто экономического роста. Германия – очевидный западноевропейский экономический лидер, которому не хватает политического влияния и суверенитета. Учитывая ослабление власти США над Европой, она ищет свою новую политэкономия.

Надо хоть что-то в отношении государственного инвестирования в территорию с целью роста экономического суверенитета делать и нам. Тем более что с политическим влиянием и суверенитетом дело у нас обстоит лучше, чем у Германии. Пока. Возможно, наше будущее могло бы быть связано русско-германским союзом, вовлекающим Западную Европу в наше технологическое развитие, особенно учитывая, что именно рецепция немецкой мысли служила всегда действительному развитию России. А вот рецепция английской мысли, замаскированной в XIX веке под французскую, а в XXI веке под американскую, — тормозила. В XX веке ангlosаксы сделали всё, чтобы такого русско-германского союза не возникло. Собственно, ради этого были проведены две мировые войны. Но это уже следующая тема для размышления.

Поступила в редколлегию 25.08.2014 г.